

Размышления о Манифесте акселерационистской политики

АНТОНИО НЕГРИ

Профессор теории государства, Падуанский университет (UNIPD).

Адрес: 2 Via 8 Febbraio 1848, Padova PD 35122, Italy.

E-mail: leomantova@hotmail.com.

Ключевые слова: постопераизм; акселерационизм; нематериальный труд; сборка; класс; автоматизация; тенденция к понижению нормы прибыли.

Статья посвящена реконструкции и критическому анализу тезисов «Манифеста акселерационистской политики» с позиций постопераизма. Оптика автора задается темами трансформации труда в позднем капитализме и марксистской концепции тенденции. Автор резюмирует предлагаемую в «Манифесте» программу операистской формулой «внутри и против капитала». В качестве отправного факта констатируется необратимое наступление гегемонии нематериального труда. Поэтому двигателем революции и источником собственного освобождения может выступить только класс, занимающийся умственным трудом, — это ключевая предпосылка всего «Манифеста». Для этого необходимо освободить технологии и производительные силы от гнета капитала. Требуется перераспределение информатизированного основного капитала и освоение субъектами труда самых продвинутых технологий, используемых капитализмом. Это освоение ведет к преобразованию субъектов, что помещает в центр внима-

ния необходимость противостояния биополитике.

Автор упрекает «Манифест» в излишне оптимистическом восприятии техносоциального тела, однако видит значительный потенциал в дальнейшей разработке идеи социально продуктивной кооперации. Другое условие — создание организаций нового типа, избегающих как модели «диктатуры пролетариата», так и мирных горизонталистских моделей. Такие меры означают создание интеллектуальной инфраструктуры, каналов коммуникации и классовых институтов, совокупно способных конструировать образы будущего, не впадая при этом в футуризм. Проблема дурной бесконечности и гетерогенности, к которым ведет тезис открытости тенденции, решается в «Манифесте» привлечением делэзианского концепта коллективной сборки гетерогенных элементов. Завершается статья обсуждением вопроса о деньгах и «валюте общего» — темы, предполагаемой «Манифестом», но не затронутой в нем.

«**М**АНИФЕСТ акселерационистской политики» (далее — МАП) начинается с признания драматичности сценария текущего кризиса: катаклизм. Отрицание будущего. Неминуемый апокалипсис. Но не бойтесь! Здесь нет ничего политико-теологического. Если вас привлекло именно это, не читайте манифест. Нет здесь и *шибболетов*¹ современного дискурса, вернее, есть лишь один: коллапс климатической системы планеты. Однако, хотя эта угроза и важна, она целиком подчинена здесь промышленной политике и рассматривается только с точки зрения критики такой политики. В центре МАП — «усиление автоматизации производственных процессов», в том числе автоматизации «интеллектуального труда», которое объяснило бы секулярный кризис капитализма. Катастрофизм? Неверное истолкование понятия тенденции падения нормы прибыли у Маркса?² Я бы так не сказал.

Здесь реальность кризиса отождествляется с агрессией неолиберализма по отношению к структуре классовых отношений, сформировавшейся в государстве всеобщего благоденствия XVIII и XIX веков, а причина кризиса лежит в блокировке производственных возможностей новыми формами, которые капиталистическое господство приняло в противостоянии новым видам живого труда. Другими словами, капитализм был вынужден противодействовать и блокировать политический потенциал постфордистского труда.

Перевод с английского *Cube of Pink* по изданию: © Negri A. Reflections on the Manifesto // #ACCELERATE: The Accelerationist Reader / R. Mackay, A. Avanesian (eds). Falmouth: Urbanomic, 2014. P. 363–378. Публикуется с любезного разрешения автора и составителей.

1. Слово, которым характеризуют недоступную иностранцу речевую (этническую) особенность языка, «речевой пароль», позволяющий отличить своего от чужого. — *Прим. ред.*
2. «Тенденция нормы прибыли к понижению» — классическая проблема политэкономии. В формулировке Маркса речь идет о потенциальном взрыве капитализма из-за падения прибыли в долговременной перспективе. См. т. 3, гл. 13 «Капитала»: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 25. С. 231–253.

Далее следует суровая критика правого лагеря государственных сил и значительной части остатков левых, причем последние часто вводились в заблуждение (в лучшем случае) новой и невозможной гипотезой кейнсианского сопротивления, будучи неспособными вообразить радикальную альтернативу. В этих условиях будущее отменяется полным параличом политического воображаемого. Невозможно вдруг выйти из этого состояния. Только систематический классово-ориентированный подход к конструированию новой экономики вместе с новой политической организацией рабочих сделает возможной реконструкцию гегемонии и отдаст будущее в руки пролетариата.

Подрывное знание еще возможно!

Начало манифеста соответствует коммунистической задаче в наши дни. Оно представляет решительный рывок вперед — необходимый, если мы хотим войти в область революционной рефлексии. Но прежде всего манифест дает новую «форму» движению, причем «форма» здесь — конститутивный аппарат с огромным потенциалом, который должен взломать репрессивный и иерархический горизонт современного капитализма, поддерживаемого государством. Речь не о переворачивании формы государства в целом, а о противостоянии потенциальности и власти — биополитики и биовласти. Именно при таком допущении возможность освобождающего будущего радикально противопоставлена настоящему капиталистическому господству. И здесь мы можем поэкспериментировать с «единицей, делящейся надвое» — формулой, которая сегодня конституирует единственное рациональное условие подрывного праксиса (а не его следствие)³.

Внутри и против тенденции капитализма

Давайте посмотрим, как развивалась теория МАП. Ее гипотеза в том, что освобождение потенциальных возможностей труда от блокады, установленной капитализмом, должно случиться *внутри* эволюции самого капитализма. Это касается преследования экономического роста и технологической эволюции (которые сопровождаются нарастанием социального неравенства) с целью

3. Выражение «единица делится надвое» отсылает к необратимому классовому размежеванию, происходящему внутри капитализма. Выражение появилось в маоистском Китае в 1960-х годах в качестве критики любого политического сотрудничества с капитализмом («двоица объединяется в Единое»). См. также: *Долар М.* Одно делится на два // Он же. Десять текстов. СПб.: Музей сновидений Фрейда, 2017. С. 240–269.

вызвать полное изменение классовых отношений. *Внутри и против*: возвращение традиционного мотива операизма⁴. Только благодаря ускорению капиталистического развития может произойти процесс освобождения, но — что важно — нельзя смешивать *ускорение* со *скоростью*, так как здесь акселерация имеет все характеристики механизма движения, экспериментального процесса открытия и создания внутри пространства возможностей, определенного самим капитализмом.

В МАП марксистская концепция «тенденции» связана с пространственным анализом параметров развития: настаивание на понимании территории как *terra* во всех процессах территоризации и ретерриторизации, что характерно для Делёза и Гваттари. Основной пункт здесь — это власть умственного труда, который все еще определяется как сдержанный капитализмом; учрежденный капитализмом и все же подавляемый внутри растущей алгоритмической автоматизации господства; онтологически валоризированный (ведь он повышает производство стоимости) и все же девалоризируемый с денежной и дисциплинарной точки зрения (не только внутри текущего кризиса, но также на протяжении всей истории развития и управления формой государственного устройства).

При всем должном уважении к тем, кто по-прежнему комично верит, что революционные возможности должны быть связаны с возрождением рабочего класса XX века, такая вероятность проливает свет на то, что мы до сих пор имеем дело с классом, но уже другим классом — классом, наделенным высшей властью. Это класс работников умственного труда. Это класс, который должен быть освобожден; класс, который должен освободить себя сам.

Таким образом, завершено восстановление марксистской и ленинистской концепции тенденции. Была устранена любая, так сказать, «футуристическая» иллюзия с тех пор, как именно классовая борьба определяет не только движение капитализма, но и способность обратить свою высшую абстракцию в сплоченную машину борьбы.

Аргумент МАП полностью основан на способности освободить производительные силы умственного труда. Мы должны из-

4. Начиная с эссе Марио Тронти, посвященного так называемой социальной фабрике (см.: *Tronti M. La fabbrica e la società // Quaderni Rossi. 1962. № 2*), и во всей традиции итальянского операизма выражение «внутри и против капитала» означает то, что классовая борьба действует внутри противоречий капиталистического развития, которое их порождает. Рабочий класс отнюдь не «внешний капиталу», так как классовая борьба — тот самый мотор, который двигает капиталистическое развитие.

бавиться от любой иллюзии возвращения к фордистскому труду. Мы должны окончательно осознать сдвиг от гегемонии материального труда к гегемонии нематериального труда. Следовательно, рассматривая господство капитала над технологией, необходимо критиковать «все более и более реакционный подход капитала к технологии». Производительные силы ограничены господством капитала. Ключевая проблема в том, чтобы затем освободить *латентные* производительные силы, как это всегда делал революционный материализм. Именно на этой латентности мы должны сейчас остановиться.

Но перед тем нам следует заметить, как внимание МАП устойчиво вращается вокруг вопроса организации. МАП развертывает сильную критику «горизонтальных» и «спонтанных» концепций организации, развитых внутри современных движений, и их понимания «демократии как процесса». Согласно МАП, это не более чем фетишистские определения демократии, у которых нет никакого эффективного (будь то устанавливающего или разрушающего) влияния на институции капиталистического господства. Последнее утверждение, быть может, чрезмерно, если принять во внимание текущие движения, которые противостоят (пусть и имея ни альтернатив, ни соответствующих инструментов) финансовому капиталу и его институциональным воплощениям. Когда он подвергнется революционному преобразованию, мы, безусловно, не сможем избежать сильной институциональной перемены, куда более сильной, чем любая перемена, которую мог бы когда бы то ни было предложить демократический горизонтализм.

Планирование необходимо как до, так и после революционного скачка, чтобы трансформировать наше абстрактное знание тенденции в основополагающую силу, которая приведет к появлению посткапиталистических и коммунистических институций. Согласно МАП, такое «планирование» больше не учреждает вертикального господства государства над обществом рабочего класса. Наоборот, сегодня оно должно принять форму конвергенции производительных и направляющих способностей внутри общества/сети. Последнее/последняя должны быть поняты как задача, которая должна быть проработана в дальнейшем: борьба планируется раньше производства. Мы обсудим это позже.

Перераспределение основного капитала

Но вернемся к сути разговора. МАП — манифест о высвобождении власти умственного труда, отделяющий его от его же латент-

ности: «несомненно, мы даже не знаем пока, на что способно модернизированное техносоциальное тело». Здесь МАП утверждает две вещи. Первая — то, что я называю «перераспределением основного капитала» с последующим антропологическим преобразованием субъекта труда⁵. Вторая — социополитическая: такая новая потенция наших тел по существу коллективная и политическая. Иными словами, добавочная стоимость в производстве является главным образом благодаря *социально продуктивной кооперации*. Это, возможно, самый важный фрагмент МАП.

С позиции, которая ослабляет остаточный гуманизм философской критики, МАП настаивает на материальных и технических качествах *телесного* перераспределения основного капитала. Продуктивное определение количества, экономическое моделирование, анализ больших данных и самые абстрактные экономические модели — все это присваивается субъектами-рабочими посредством образования и науки. Использование математических моделей и алгоритмов капиталом не делает их свойством капитала. Это не проблема математики — это проблема власти.

Конечно, манифесту присуща доля оптимизма. Такое оптимистическое восприятие техносоциального тела не вполне подходит для критики сложного отношения человек–машина, и тем не менее этот макиавеллианский оптимизм помогает нам погрузиться в дискуссию о самой необходимой в нынешний день организации. Возвратившись однажды к вопросу о *власти*, она напрямую ведет к вопросу об организации. МАП гласит: левым пришлось укрепить социотехнологическую гегемонию — «материальные платформы производства, финансов, логистики и потребления можно перепрограммировать и переформатировать так, чтобы они служили уже нуждам посткапитализма, и они будут перепрограммированы и переформатированы».

Несомненно, существует сильная уверенность в объективности и материальности, нечто вроде *Dasein* развития, и, как

5. У Маркса (и традиционно в политической экономии) под «основным капиталом» понимаются деньги, вложенные в такие основные активы, как здания, машины и инфраструктура (в отличие от «оборотного капитала», который включает в себя сырьевые ресурсы и заработную плату рабочих). В постфордизме этот капитал может включать в себя информационные технологии, персональные медиа, а также нематериальные активы, такие как программное обеспечение, патенты и формы коллективного знания. «Перераспределение основного капитала» относится в таком случае к перераспределению продуктивного потенциала (также согласно форме стоимости и благосостояния) коллектива работников.

следствие, определенная недооценка социального, политическо-го и кооперативного элементов, которые предположительно наличествуют тогда, когда мы соглашаемся с основным правилом: «единица делится надвое». Тем не менее такая недооценка не должна отдалять нас от осознания того, насколько важным является владение самыми высокими технологиями, используемыми капиталистической властью, и абстракцией труда для возвращения их к коммунистическому управлению, реализуемому «вещами самими по себе». Утверждение о технополитической гегемонии я понимаю следующим образом: мы в первую очередь должны полностью развить комплекс производственных возможностей интеллектуального труда в целях продвижения новой гегемонии.

Экология новых институций

На данном этапе проблема организации поставлена в полной мере. Как уже было сказано, новая конфигурация отношений между сетью и планированием предложена в противовес экстремистскому горизонтализму. В противоположность всякой мирной концепции «демократии как процесса» внимание теперь перемещается от средств (голосование, демократическое представительство, правовое государство и т. д.) к результатам (коллективная эмансипация и самоуправление).

Безусловно, новые иллюзии централизации и пустых повторных вмешательств «диктатуры пролетариата» не повторяются авторами. Манифест позволяет прояснить это, предлагая разновидность «экологии организации», требующей множественности сил, резонирующих друг с другом и тем самым производящих механизмы коллективного принятия решений за рамками какого-либо сектанства. Вы можете сомневаться относительно подобного проекта; вы можете признать, что трудностей куда больше, чем предложенных удачных возможностей. Тем не менее это руководство к исследованию. И тем более ясно это в наши дни, в конце цикла противостояний, начавшегося в 2011 году, который показал непреодолимые ограничения форм организации борьбы на протяжении всех столкновений с властью, вопреки их прочности и новым подлинным революционным содержаниям.

МАП провозглашает три насущные цели, вполне уместные и реализуемые для нашего времени. Прежде всего это построение новой разновидности интеллектуальной инфраструктуры для поддержания нового теоретического проекта и изучения новых

экономических моделей. Во-вторых, организация сильной инициативы на территории мейнстримного направления массмедиа: интернет и социальные сети, безусловно, демократизировали коммуникацию и остаются очень полезными для глобальной борьбы, хотя коммуникация по-прежнему остается подчиненной более традиционным формам. Задача состоит в сосредоточении нужных ресурсов и всей возможной энергии с целью обретения адекватных средств коммуникации. В-третьих, требуется задействовать все возможные институциональные формы классовой власти (переходные и постоянные, политические и профсоюзные, глобальные и локальные). Единая конституция классовой власти возможна только путем накопления и гибридизации всех опытов, обнаруженных на данный момент, и тех, что еще должны быть изобретены.

Просветительское стремление — «будущее необходимо конструировать» — пронизывает весь манифест. Вновь заходит речь о прометеевской и гуманистической политике. Гуманизм МАП тем не менее простирается за пределы границ, предписанных капиталистическим обществом, он вполне открыт постгуманизму и научным утопиям, возрождающим мечты XX столетия о покорении космоса или предлагающим новые несокрушимые помехи для смерти и разладов жизни. Рациональное воображение должно сопровождаться коллективной фантазией о новых мирах, организующих сильную *самовалоризацию* труда и общества. Наиболее современная эпоха, которую мы переживаем, показала нам, что нет ничего, кроме Изнутри глобализации, которое больше не является чем бы то ни было Извне. Однако сегодня, заново сформулировав задачу реконструкции будущего, мы ощущаем необходимость — и вместе с тем возможность — введения внешнего, чтобы вдохнуть могущественную жизнь внутрь.

Что можно сказать об этом документе? Кто-то из нас воспринимает его как англосаксонское дополнение к перспективе постопераизма — менее склонной к возрождению социалистического гуманизма, однако более способной к развитию нового позитивного гуманизма. Название «акселерационизм», конечно, неудачно, поскольку оно приписывает «футуристический» смысл тому, что не вполне футуристично. Документ, несомненно, своевременный, причем не только за счет критики «реальной» общественной демократии и социализма, но также и благодаря анализу общественных движений начиная с 2011 года. Он с чрезвычайной силой утверждает саму тенденцию капиталистического развития, необходимость как его присвоения, так и его подрыва. На таком осно-

вании он дополняет конструкцию коммунистической программы. Движение вперед осуществляется с помощью таких крепких опор.

В преддверии технополитики

Немного критики может оказаться полезным, чтобы вновь открыть дискуссию и привести спорящие стороны к согласию. Во-первых, в этом проекте слишком много детерминизма как политического, так и технологического толка. Отношение к историческому (или, если угодно, к истории, современности, праксису), судя по всему, искажается тем, что мы не склонны называть телеологией, но очень уж на нее похоже. Отношение к сингулярностям и, следовательно, способность понять тенденцию в качестве виртуальной (включающей в себя сингулярности), а материальную детерминацию (которая продвигает тенденцию) как силу субъективации кажутся мне недооцененными.

Тенденция может быть определена лишь как открытое отношение, конститутивное отношение, оживляемое классовыми субъектами. Можно возразить, что такое настаивание на открытости как раз и вызывает извращающие эффекты, к примеру, в структурах столь гетерогенных, что те в итоге становятся хаотичными и потому не поддающимися анализу — множественностью разросшейся и гигантской, составляющей дурную бесконечность. Несомненно, такая «дурная бесконечность» и есть то, что постопераизм и «Тысяча плато», как временами кажется, полагают. Это сложное и решающее место. Давайте копнем в нем глубже.

На этот случай в МАП придумано хорошее решение, в рамках которого трансформативная антропология тел рабочих помещается прямо в центр отношений между субъектом и объектом (то, что сам я называю отношением между *техническим составом* и *политическим составом* пролетариата, из-за традиции будучи привыкшим к другой терминологии)⁶. А значит, дрейфа плюрализма в сторону «дурной бесконечности» можно избежать. Тем не менее, если мы хотим продолжить на этом основании — что, я верю, будет полезным и решающим, — мы должны переломить

6. Понятие классового состава было введено итальянским операизмом с целью преодолеть банальные дебаты о «классовом сознании», характерные для 1960-х годов. Технический состав относится ко всем материальным, а также культурным формам труда в конкретном экономическом режиме; политический состав относится к столкновению и преобразованию их в политический проект. Данный технический состав не способствует автоматически добродетельному политическому составу.

неустанную прогрессию продуктивного напряжения, на которое манифест опирается.

Мы должны определить отправные пункты развития и их консолидации, которые Делёз и Гваттари именуют коллективными сборками (*agencements collectifs*). Данные консолидации перераспределяют основной капитал и преобразуют рабочую силу. Они состоят из антропологий, языков и деятельностей. Исторически пункты эти возникают в отношениях между техническим и политическим составами пролетариата. Без подобных консолидаций политическая программа — какой бы временной она ни была — невозможна. Ведь именно из-за невозможности прояснить отношение между техническим и политическим составами мы нередко находим себя методологически беспомощными и политически бессильными. Соответственно, только детерминация исторических начал и знание специфической модальности технополитических отношений позволяют сформулировать и организационный процесс, и подходящую программу действий.

Заметьте: постановка данной проблемы подспудно поднимает проблему того, как лучше определить процесс, в котором отношения между сингулярным и общим растут и консолидируются (при признании прогрессивной природы производительной тенденции). Нам нужно определить, *что есть общего* в любом технологическом ассамбляже, развивая специфическое исследование антропологии производства.

Гегемония кооперации

Вернемся к теме перераспределения основного капитала. Как мною уже было отмечено, в МАП кооперативное измерение производства (особенно производства субъективностей) недооценено в том, что касается технологических критериев. Кроме технических параметров продуктивности материальные аспекты производства по сути описывают антропологическую трансформацию рабочей силы. Я настаиваю на этом. Кооперативный элемент становится центральным и ведет к возможной гегемонии внутри набора языков, алгоритмов, функций и технологических ноу-хау, которые учреждают современный пролетариат.

Такое утверждение происходит из понимания того, что сейчас изменилась сама структура капиталистической эксплуатации. Капитал продолжает *эксплуатировать*, но, как это ни парадоксально, в ограниченной форме, если сравнивать с его способностью *извлекать* прибавочный труд из общества в целом. Однако, когда мы

узнаем об этой новой детерминации, мы понимаем, что основной капитал (часть капитала, непосредственно участвующая в производстве прибавочной стоимости) по сути устанавливает себя в *избытке, определенном кооперацией*. Такая кооперация — нечто не-соизмеримое: как говорил Маркс, это не сумма прибавочного труда двух или более рабочих, а избыток, произведенный в силу того обстоятельства, что они работают вместе (короче говоря, избыток — это то, что выходит за пределы самой суммы)⁷.

Если мы с вами допустим примат *извлекающего капитала* над эксплуатирующим (включая, конечно же, второй в первый), можно получить некоторые интересные выводы. Я обозначу один из них. Переход от фордизма к постфордизму был описан как применение «автоматизации» к фабрике и «информатизации» к обществу. Последняя очень важна в процессе, ведущем к полной (реальной) категоризации общества внутри капитала, — информатизация на деле истолковывает и направляет эту тенденцию. Она действительно важнее автоматизации, которая сама по себе и в конкретный исторический момент только частично и ненадежно смогла характеризовать новую социальную форму. Как поясняет МАП и подтверждает опыт, сегодня мы уже давно прошли данный этап.

Производящее общество оказывается не только глобально информатизированным, такой компьютеризированный социальный мир оказывается организованным внутри себя и автоматизированным согласно новым критериям в управлении рынком труда и новым иерархическим параметрам в управлении обществом. Когда производство социально обобщено через когнитивную работу и социальное знание, информатизация остается ценнейшей формой основного капитала, в то время как автоматизация становится цементом капиталистической организации, сгибая информатику и информационное общество обратно в себя. Информационная технология, таким образом, подчиняется автоматизации. Приказ капиталистических алгоритмов отмечен этой трансформацией производства.

Итак, мы находимся на высшем уровне реальной категоризации. Отсюда огромная роль логистики, которая после ее автома-

7. Каноническая цитата: «Механическая сумма сил отдельных рабочих отлична от той общественной силы, которая развивается, когда много рук участвует одновременно в выполнении одной и той же нераздельной операции» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 23. С. 337).

тизации начала конфигурировать все территориальные измерения капиталистического господства и устанавливать внутреннюю и внешнюю иерархии глобального пространства точно так же, как алгоритмическая машинерия, которая централизует и управляет, с помощью степеней абстракции и сфер знания, с переменными частоты и функции — та комплексная система знания, которую начиная с Маркса мы привыкли называть всеобщим интеллектом. Теперь, если извлекающий капитализм расширяет возможность эксплуатации *экстенсивно* на любую социальную инфраструктуру и *интенсивно* на любую степень абстракции производительной машины (например, на любом уровне глобальных финансов), необходимо будут возобновлены дебаты о перераспределении основного капитала внутри такого практического и теоретического пространства. Создание новых задач должно измеряться согласно такому пространству. Основной капитал потенциально перераспределяем пролетариатом. Это потенциальность, которая должна быть освобождена.

Валюта общего и отказ от труда

И последняя тема (опущенная в МАП, однако полностью согласующаяся с его теоретической аргументацией) — «валюта общего». Авторам манифеста хорошо известно, что сегодня деньги имеют специфическую функцию — как абстрактного механизма — в качестве высшей формы измерения стоимости, извлекаемой из общества посредством действительного поглощения нынешнего общества капиталом. Та же схема, что описывает извлечение/эксплуатацию капиталом общественного труда, заставляет нас распознать деньги в качестве денег-меры, денег-иерархии и денег-планирования. Такая денежная абстракция, как тенденция становления-гегемоном самого финансового капитала, также указывает на возможные формы сопротивления и подрыва на столь же высочайшем уровне.

Коммунистическая программа для посткапиталистического будущего должна быть осуществлена именно на этой территории. И причем благодаря не только пролетарскому перераспределению богатства, но и выстраиванию новой господствующей силы — таким образом, работая на «общее», то есть на основе и максимального извлечения/отделения стоимости от труда, и его универсального перевода в деньги. Вот что значит сегодня «валюта общего». Никакой утопии, только программное и парадигмальное указание на то, как в рамках нашей борьбы подготовить атаку на объем

труда, навязываемый капиталом, на иерархии прибавочного труда (прямо навязываемые руководителями), а также на общественное распределение доходов, устанавливаемое капиталистическим государством. Здесь еще должна быть проделана большая работа.

Итак (хотя осталось обсудить еще много вещей!), что значит воплотить тенденцию капитализма до конца и в процессе одолеть его? Всего лишь один пример: сегодня это значит обновить девиз «отказ от труда». Борьба против алгоритмической автоматизации должна положительно ухватить детерминированный ею рост производительности, и тогда у нас выйдет резкое сокращение рабочего времени, организованного и контролируемого машинами, и вместе с тем постоянное и все более значительное увеличение заработной платы.

С одной стороны, время на обслуживание автоматов должно быть некоторым образом установлено равным для всех. С другой стороны, основной доход должен быть установлен так, чтобы перевести любое количество труда в признание равного участия всех в создании общего богатства. В конце концов все будут иметь возможность свободно повышать в соответствии со своими лучшими способностями радость жизни (*joie de vivre*, если припомнить оценку Марксом Фурье). Все это должно быть немедленно заявлено в рамках борьбы. И здесь нам не следует забывать о другом важном сюжете: производство субъективности, использование эмоций в полемике, а также историческая диалектика раскрываются в итоге против капиталистического и суверенного правления.

Библиография

- Negri A. Reflections on the Manifesto // #ACCELERATE: The Accelerationist Reader / R. Mackay, A. Avanessian (eds). Falmouth: Urbanomic, 2014. P. 363–378.
- Tronti M. La fabbrica e la società // Quaderni Rossi. 1962. № 2.
- Долар М. Одно делится на два // Он же. Десять текстов. СПб.: Музей сновидений Фрейда, 2017. С. 240–269.
- Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 23.
- Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 25.

REFLECTIONS ON THE “MANIFESTO FOR AN ACCELERATIONIST POLITICS”

ANTONIO NEGRI. Professor of Theory of the State, leomantova@hotmail.com. University of Padova (UNIPD), 2 Via 8 Febbraio 1848, Padova PD 35122, Italy.

Keywords: postoperaism; accelerationism; immaterial labour; assemblage; class; automation; tendency of the rate of profit to fall.

The article is dedicated to a reconstruction and critical analysis of the theses of the “Manifesto for an accelerationist politics” within the frame of post-operaism. The author’s optics are defined by topics of labour in late capitalism and the Marxist conception of the ‘tendency of the rate of profit to fall’. The author resumes the programme proposed in “the Manifesto” through the operaist formula “within and against capital.” As a point of departure, the author proposes that we are experiencing the advent of a hegemony of immaterial labour. Thus, only the class of intellectual labour can function as a motor of revolution and a source of its own emancipation. It requires a liberation of technologies from the burden of capital. What is needed is a redistribution of informatized basic capital and the appropriation of the most advanced technologies used by capitalism. This adoption leads to a transformation of subjects, shifting the focus onto the necessity to resist biopolitics.

The author accuses “the Manifesto” of having an overly optimistic view of the technosocial body but sees great potential in the further development of the idea of socially productive cooperation. Another condition is the creation of organizations of a new type that avoid both the model of a “proletarian dictatorship” and peaceful horizontalist models. Such measures imply a creation of an intellectual infrastructure, communication channels and class institutions which, together, are capable of constructing images of the future, whilst at the same time avoiding all kinds of futurism. The problem of bad infinity and heterogeneity brought about by the thesis of openness of the tendency is solved in “the Manifesto” by bringing in the Deleuzian concept of collective assemblage of heterogeneous elements. The article concludes with a discussion of the question of money and “the currency of the common” — a topic implied — but not covered by — “the Manifesto”.

DOI: 10.22394/0869-5377-2018-2-103-115

References

- Dolar M. *Oдно delitsia na dva [One Divides into Two]. Desiat' tekstov [Ten Essays]*, Saint Petersburg, Muzei snovidenii Freida, 2017, pp. 240–269.
- Marx K., Engels F. *Soch. Izd. 2-e [Works. 2nd ed.]*, Moscow, Gospolitizdat, 1960. Vol. 23.
- Marx K., Engels F. *Soch. Izd. 2-e [Works. 2nd ed.]*, Moscow, Gospolitizdat, 1961. Vol. 25.
- Negri A. Reflections on the Manifesto. *#ACCELERATE: The Accelerationist Reader* (eds R. Mackay, A. Avanesian), Falmouth, Urbanomic, 2014, pp. 363–378.
- Tronti M. La fabbrica e la società. *Quaderni Rossi*, 1962, no. 2.